

Сотков Виктор Александрович

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ГЕРОЯ-ПРАВЕДНИКА В РОМАНЕ И. С. ШМЕЛЕВА "НЯНЯ ИЗ МОСКВЫ"

В статье рассматриваются особенности художественного воплощения героя-праведника в романе И. С. Шмелева "Няня из Москвы". Исследовательское внимание приковано к образу Дарьи Степановны Синицыной. В результате анализа доказывается, что данный образ относится к житийно-идиллическому типу праведника. В статье указаны возможные прообразы данной героини из истории русской литературы. Автор статьи утверждает, что образ праведницы И. С. Шмелев возводит до символа всего русского народа, со всеми его многовековыми страданиями и верой в светлое будущее, дарованное Богом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 49-52. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

своего рода интеллектуальная сегрегация – в результате которой сытая и благополучная жизнь элиты обеспечивается фантастическим превращением остального населения – «транспортировкой». Имеется в виду процесс, в результате которого различные, по выражению чиновника, «никчемные люди» воплощаются «непосредственно в материальные ценности». Атмосфера эксперимента подчеркивается условным введением в пространство пьесы двух её соавторов, которые в какой-то момент становятся действующими лицами и затем подвергаются репрессиям со стороны созданных ими же персонажей.

Таким образом, анализ этих и ряда других новелл с фантастическим сюжетом показывает, что М. Веллер широко использует модель гротеска-предположения, строя фабулу на основе гротескного эксперимента, и с его помощью настойчиво проводит мысль о многовариантности бытия.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
2. Борев Ю. Эстетика: в 2-х т. Смоленск: Русич, 1997. Т. 1. 576 с.
3. Веллер М. Короткая проза. М.: АСТ-Москва, 2006. 363 с.
4. Вулис А. Метаморфозы комического. М.: Искусство, 1976. 128 с.
5. Костылева О. Б., Петренко А. Ф. Художественный мир прозы Ореста Сомова. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 231 с.
6. Краткая литературная энциклопедия: в 9-ти т. / под ред. А. А. Суркова. М.: Сов. энцикл., 1964. Т. 2. 1056 с.
7. Лазаренко Т. В. Основные объекты смеха в творчестве М. Веллера // Университетские чтения – 2016. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. С. 39-43.
8. Петренко С. А. Юмор Мартина Эмиса сквозь призму когнитивной лингвистики // Основные проблемы гуманитарных наук: сб. науч. тр. Волгоград: ИЦПРОН, 2014. С. 59-62.
9. Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. М.: УРСС, 2003. 320 с.
10. Petrenko A. P., Petrenko S. A. Humorous Mysticism as a Base of Bulgakov's Grotesque Model in the Story «Diaboliad» // Middle East Journal of Scientific Research. 2013. Vol. 15. № 4. P. 595-600.

GROTESQUE EXPERIMENT IN THE LAUGHTER SPACE OF MIKHAIL VELLER'S NOVELS

Petrenko Aleksandr Filippovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Lazarenko Tat'yana Vladimirovna
 Pyatigorsk State University
 petrenko@pgu.ru; la_tatianka@mail.ru

The article analyzes the use of grotesque experiment in the narrative novelistic space of the modern writer Mikhail Veller. The author examines the interrelations of fantastic and laughter worlds, their esthetic potentials when transforming reality within the literary text. The paper shows how grotesque experiment in M. Veller's prose becomes the means to affirm the certain moral postulates and to discover key existential contradictions.

Key words and phrases: grotesque; grotesque experiment; laughter; the comical; fantasy; short story; Mikhail Veller.

УДК 82-312.2“19”

В статье рассматриваются особенности художественного воплощения героя-праведника в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы». Исследовательское внимание приковано к образу Дарьи Степановны Синицыной. В результате анализа доказываемся, что данный образ относится к житийно-идиллическому типу праведника. В статье указаны возможные прообразы данной героини из истории русской литературы. Автор статьи утверждает, что образ праведницы И. С. Шмелев возводит до символа всего русского народа, со всеми его многовековыми страданиями и верой в светлое будущее, дарованное Богом.

Ключевые слова и фразы: роман; герой-праведник; образ; святость; христианская традиция; Россия; православие; сказ.

Сотков Виктор Александрович

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
 имени Н. П. Огарева, г. Саранск
 sotkov_va@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ГЕРОЯ-ПРАВЕДНИКА В РОМАНЕ И. С. ШМЕЛЕВА «НЯНЯ ИЗ МОСКВЫ»

Сегодня со всей очевидностью мы можем утверждать, что в русской классической литературе весьма многоаспектно представлен образ героя-праведника. Русские писатели XIX века, от поэтов-романтиков до Л. Н. Толстого, продемонстрировали свое видение такого героя. Анализируя проблему праведничества в русской литературе, В. Е. Хализев выделяет две основные формы бытования праведничества: собственно религиозная, приближающаяся к святости, и бытовая, «житийно-идиллическая» [5, с. 115].

Первый тип героя тесно связан с Богом, он служит в церкви или ведет уединенный образ жизни в монастыре, строго соблюдает церковные каноны и святые заповеди. Такой герой удостоился святости за особый благочестивый образ жизни. Второй тип характеризует человека трудолюбивого, терпеливого, бескорыстного,

готового прийти на помощь ближнему, милосердного. В. Е. Хализиев как главные отличительные черты характера такого типа отмечает «безыскусственность», «отсутствие метаний и напряженных поисков», однако благодаря нравственной интуиции и жертвенности его жизнь сближается с праведничеством и иногда в него перерастает [Там же].

Русские писатели начала XX века активно разрабатывают оба представленных типа. Наиболее ярко данные типы героев представлены в художественной картине мира И. С. Шмелева [3]. К «житийно-идиллическому» типу можно отнести таких героев русского православного писателя, как Марфа Трофимовна Пигачова («Про одну старуху»), Горкин («Богомолье», «Лето Господне»), Федя («Богомолье»), Степан («История любовная»). Особое место в этом ряду занимает образ Дарьи Степановны Синициной, героини романа И. С. Шмелева «Няня из Москвы» (1933). Во многом ее образ перекликается с образом Горкина. Дарья Степановна также весьма ярко репрезентирует образ героя-праведника из народной среды, живущего по христианским заповедям. Ее образ, безусловно, вписывается в парадигму праведников «житийно-идиллического» типа. Вся жизнь обычной русской женщины посвящена служению ближним. Она, подобно толстовской Пашеньке («Отец Сергей»), не думает о себе, жертвует собой ради других. Вся ее жизнь проходит в хлопотах и заботах о своей воспитаннице Кате и спасении заблудших душ ее родителей, русских интеллигентов Вышгородских, потерявших связь с «народной почвой», православной основой.

Как и Горкин для Вани, так и Дарья Степановна является воспитателем и наставником для Кати, своеобразным ее оберегом, няней. Следует отметить, что И. С. Шмелев при создании образа няни, как и многие русские писатели-классики, отталкивается от образа пушкинской няни Арины Родионовны. Русские писатели, прежде всего, заостряли внимание на глубоких связях няней с русской народной культурой, православными традициями. Они не только воспитывали детей, но и формировали их духовный мир, открывали в них пути духовного роста. Безусловно, в осмыслении образа Дарьи Степановны И. С. Шмелев ориентировался на образы Филиппьевны, няни Татьяны Лариной («Евгений Онегин»); Параши, няни Сережи («Детские годы Багрова-внука»); Натальи Саввишны, няни Николеньки Иртеньева («Детство»); Агафьи, няни Лизы Калитиной («Дворянское гнездо») и др. У каждой из этих героинь была непростая судьба, однако жизненные невзгоды не сломили этих женщин, в них не угасла вера в Бога; жизненные трудности не ожесточили их души. Напротив, выпавшие на их долю испытания уверили их в силе добра и милосердия, незыблемости христианской веры.

Для передачи многогранной личности няни, ее душевной чуткости и восприимчивости чужого горя писатель использует синтез жанровых форм. Повествование содержит в себе черты жанров жития, хождений, «плача», сказки, романа семейной хроники. Роман написан в форме сказа, где история семьи Вышгородских рассказана простой тульской крестьянкой. Именно избранная оригинальная нарративная форма – сказ от первого лица – придает повествованию глубокую исповедальную тональность.

И. С. Шмелев, продолжая традиции русской классической литературы, также обращается к сказовой форме, чтобы выразить духовное богатство простого русского человека. Подобные формы мы можем обнаружить в творчестве М. Ю. Лермонтова («Бородино»), Н. А. Некрасова (глава «Крестьянка» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»), Н. С. Лескова («Воительница», «Очарованный странник», «Тупейный художник») и др. Но если в творчестве предшественников сказ давал возможность наиболее репрезентативно представить внутренний мир рассказчика, то И. С. Шмелев дает возможность своей героине рассказать не просто историю своей жизни в конкретной семье, но сквозь призму этой истории представить трагическую судьбу России начала XX века [2].

Из рассказа героини мы узнаем, что она рано осталась сиротой, познав все тяготы и нужды жизни. С семи лет она становится нянькой в одной из дворянских семей. Воспитав сначала Глафиру Алексеевну Вышгородскую, затем ее дочь Катю, няня становится полноправным членом семьи известного московского доктора Константина Аркадьевича Вышгородского.

На протяжении всего повествования няня ведет рассказ, который обращен к соотечественнице, госпоже Медынкиной. Женщина случайно встретила ее в эмиграции. Вначале этот рассказ звучит сбивчиво, перед читателем воссоздаются мозаичные картины дореволюционной жизни в Москве, путешествия в Крым, эмиграции, выживания за границей. Отрывочные воспоминания няни представляют множество лиц их общих знакомых, трагических событий в их жизни. Предугадывание вопросов собеседницы и движет сюжет повествовательной истории, которая постепенно складывается в стройный рассказ о «трагических болезнях» дореволюционной и послереволюционной России.

По мнению няни, «безалаберность» русской интеллигенции складывается из-за отсутствия в ней веры, непочтения христианских заповедей. Члены семьи Вышгородских, как и многие русские интеллигенты начала XX века, ведут типичный образ жизни. Они посещают театр, публичные лекции, читают «умные» книги, занимаются благотворительностью, принимают активное участие в политической жизни страны, пытаются внести свою лепту в улучшение жизни народа. Но за всей этой жизненной мишурой и суматохой, как считает няня, они забыли о самом главном – о душе, о Боге: «Богу молиться надо, мысли и разойдутся. <...> Где душе-то покой найти, о себе, да о себе все» [6, с. 264]. Зоркий взгляд простой женщины обращает внимание на отсутствие в доме икон, что притягивает всякую «бесовскую силу», которая и завелась в их доме. Не находя способа внушения православных основ жизни своим хозяевам, няня всей душой переживает за свою воспитанницу Катю, которая при таком родительском воспитании все дальше и дальше уходит от Бога. Дарья Степановна вступает в открытый спор с ее родителями, при этом она не боится остаться на улице, без работы. Простая русская женщина лишена лицемерия, заискивания перед господами, она живет по воле Божьей, поэтому и открыто говорит Глафире Алексеевне: «...как же ребенка без Бога на ноги поставите, крещенная ведь она... надо ее по-Божьи учить, или никак не надо учить, а как собаку какую? И у собаки хозяин, а у ней... слушать-то ей ко-го? А горе будет, где у ней утешение?..» [Там же, с. 271].

Единственным утешением не только для Катички, но и для всей семьи является простая русская женщина. Именно к ней, к ее доброму сердцу, утешительному слову прибегают все члены семьи в трудные минуты своей жизни. Именно она находит нужные слова поддержки обиженной на своих поклонников Кате, погрязшей в грехах ее матери, озлобленному на окружающую действительность отцу. «Темленькая» коморка няни становится местом исповеди и раскрытия тайн девичьих сердец. Однако «темленькая» она только внешне, комната няни наполнена божественным светом лампы, ликом икон Николая Угодника, Казанской Божьей Матери и светом самой обитательницы этого места. Няня свято верит в Божью помощь, силу молитвы и силу святых, способных исцелить как духовную, так и физическую боль.

Неверие господ, их греховная жизнь без Бога смущает няню, не дает ей душевного покоя, но и уйти от них она не может. Сердечная любовь к ним, желание помочь и защитить их грешные души заставляет оставаться ее верной своим господам до последних дней жизни.

Няня пытается не осуждать своих господ за их греховный образ жизни. Однако борьба с осуждением плохо дается главной героине. Напротив, осуждение образа жизни не только семьи Вышгородских, но и всех господ усиливается в душе няни во время Первой мировой войны, когда их дом наполняется театральной «волконалией». Народная беда, кровавая война словно отгораживаются от них театральным занавесом. Поэтому так осуждающе звучат слова няни: «Война такая <...> А у нас чисто балаган-пир: и гости, без исходу, и музыка у нас каждый вечер, и представлять подучаются, и... – так с утра до ночи и кружили» [Там же, с. 282].

Со слов няни, своего апогея театральная «бесовщина» достигает во время показа спектакля для раненых солдат, где над «Иваном-Крестителем издевались». Внутренний протест слуг, простых солдат усиливается случайно расколовшейся во время спектакля иконой. Следует отметить, что в русской литературе данный образ символизирует потерю веры, «расколотовость» сознания православного человека, усомнившегося во Христе. Подобную сцену мы можем наблюдать в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» (1875), где икона, подаренная Версилкову Макаром Долгоруким, также раскалывается пополам, позволяя наиболее ярко представить атеистический образ героя, суть его «расколотового» сознания.

В своем романе И. С. Шмелев от частного повествования истории жизни отдельного дома, семьи переходит к осмыслению судьбы России потерявшей. С потерей веры она утрачивает гармоничность жизни, превращается в Содом. Не случайно няня пересказывает своей собеседнице и сон, который видит ее знакомая Авдотья Васильевна Головова: «...сон она видала. Лавка будто ихняя в дырках вся, и без крыши... и полным-то-полна мукой, и мука в дырках текет, и все растаскивают. И приходит в большой сарай. А там вроде как престол, а на престоле наш царь сидит, словно в ризе, а округ головы лампадки все, и лик у него темный...» [Там же, с. 298].

Следует отметить, что с момента поездки няни вместе с большим хозяином в Крым повествование приобретает черты жанра хождения. После смерти родителей Кати няня становится ее ангелом-хранителем. Она дает клятву умирающему хозяину быть заступницей и опорой для его дочери. И няня сдерживает свое слово, сопровождает Катичку во всех ее мытарствах и переездах, остается с ней в минуты радости и горя.

Своевольная и гордая Катичка, ставшая впоследствии известной актрисой, не ценит няню, хотя возит ее повсюду с собой, считая самым близким человеком. Обидными кажутся для няни слова Катички в свой адрес. Она и «улитка», и «тумба», и «муравьиная куча», и «осколок старого быта». Дарья Степановна с христианским терпением принимает эти обидные оскорбления. Однако она видит, что главные грехи ее воспитанницы – это гордость, эгоизм, себялюбие. Отсюда, как считает няня, и ее несчастья в личной жизни. Ее первая любовь – это Васенька, которого она любит всю жизнь, но вместе с тем и мучает. История любви двух молодых людей, рассказанная няней, также проецируется на историю трагических событий Первой мировой войны, революции, эмиграции. Именно Дарья Степановна благодаря своему милосердию, человеколюбию, христианской жертвенности сможет в финале романа соединить разрушенное счастье русского офицера и гордой девушки.

Основной пафос романа И. С. Шмелева драматический. В нем писатель передал всю боль по утраченной России, боль эмиграции, передал состояние «бездомности». Если описание старомосковского дореволюционного быта связано с образом России как образом дома, то все последующие описания «кочевой» жизни героинь за границей – это «антидом». По справедливому утверждению И. С. Беспаловой, «Московскому дому Вышгородских противостоит ситуация “бездомья” русских эмигрантов. Это чужие дома, съемные квартиры, неродные места» [1, с. 135].

Самой большой трагедией для простой русской женщины является не просто прощание с домом, с Родиной, но и прощание с православными русскими святынями, со всем тем, что впитала ее русская душа, что являлось для нее внутренним светом, что озаряло ее страждущую душу. Сцена расставания с Родиной сродни внутренней смерти героини. Не случайно в этом описании используются темные краски, появляется образ ада, преисподней: «Темнота, духота, чуть лампочка светит, а в темноте крик, плач, кого уж тошнить стало, кто до ветру просится, а выйти никак нельзя, беспорядку чтобы не было. <...> Как поднялись мы на пароход, глянула я на горы... – темные стоят, жуть... <...> Подождала я, вот, может, церковку опять увижу? Нет, так и не показалась. А под фонарями, на берегу, на-ро-ду... черным-черно. И не разобрать, что кричат, гул и гул. Перекрестилась я на небо, заплакала» [6, с. 339].

С этого момента рассказ героини выстраивается на противопоставлении: родное / чужое, темное / светлое, вера / безверие. Изгнание няни часто сравнивает с «пустым местом», географическое пространство которого расширяется до безграничности: от крайнего Востока (Индия) до крайнего Запада (Америка). С горечью в голосе героиня сетует: «Чисто в жмурки играем по белу свету» [Там же, с. 253]. Окружающую действительность чужих стран и городов она воспринимает как враждебную. Героиня явно ощущает разницу между путешественником и изгнанником, оторванным от родной почвы. Поэтому все увиденное: богатство турецкой

жизни, экзотика Индии, пышность Парижа, блеск Америки – воспринимается няней неприязненно. Это ощущение усиливается и отсутствием православных традиций, родных сердцу христианских праздников.

Пройдя множество дорог, няня из Москвы способна почувствовать боль и одиночество русского эмигранта. В любой чужой стране они изгнанники, люди без Родины и дома. Каждая страна отталкивает героиню своими «идолами». Простая русская женщина весьма отчетливо видит разрушающую власть денег, лицемерие и продажность, которые царят в Америке. Не случайно, пройдя сквозь «огонь, воду и медные трубы», героиня романа, как и ее соотечественник, бывший граф Комаров, осознает в трагической судьбе России Божий промысел: «Вот теперь и нужду узнали, и в чужую беду стали проникаться, и как хлебушек добывается, слезами поливается... и в церкву стали ходить... – все у Него усчитано...» [Там же, с. 307].

Как мы видим, у И. С. Шмелева образ простой неграмотной женщины возвышается в романе до символа всего русского народа. Писатель воплотил в няне его характерные черты, его вековую веру в Божью Правду, его страдание и милосердие. Сам автор понимал, что только Россия могла создать такую чистую душу, «духовный родник». Именно такой родник, который воплощают собой шмелевские герои-праведники и, прежде всего, Дарья Степановна Синицына, дает духовную поддержку и опору ближнему. Неся Божью Правду в мир и при этом находясь внутри этого мира, они демонстрируют пример человеколюбия и христианской жертвенности.

Список литературы

1. Беспалова И. С. Мотив дома в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 7 (61). С. 133-137.
2. Мартыанова С. А. Слово как творение души: сказ в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы» // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Вып. 4. С. 585-595.
3. Сотков В. А. Специфика образа героя-праведника в творчестве И. С. Шмелева (на материале диалогии «Лето Господне» и «Богомолье») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 8 (62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 57-61
4. Спиридонова Л. А. Художественный мир И. С. Шмелева: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 240 с.
5. Хализев В. Е. «Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX века // Русская литература и христианство: сб. статей. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 111-119.
6. Шмелев И. С. Няня из Москвы // Шмелев И. С. История любовная: романы. М.: Москва, 1995. С. 245-405.

THE PECULIARITIES OF ARTISTIC EMBODIMENT OF THE CHARACTER-SAINT IN I. S. SHMELYOV'S NOVEL "NURSE FROM MOSCOW"

Sotkov Viktor Aleksandrovich
Ogarev Mordovia State University, Saransk
sotkov_ya@mail.ru

The article discusses the peculiarities of the artistic embodiment of the character-saint in I. S. Shmelyov's novel "Nurse from Moscow". The research attention is focused on the image of Dar'ya Stepanovna Sinitsyna. The analysis proves that the image belongs to the hagiographic-idyllic type of saint. The article shows the possible pre-images of this character from the history of the Russian literature. The author argues that the image of the saint I. Shmelyov raises to the symbol of all the Russian people, with all their centuries of suffering and faith in the bright future, given by God.

Key words and phrases: novel; character-saint; image; holiness; Christian tradition; Russia; Orthodoxy; tale.

УДК 32.019.5

В статье рассмотрены условия функционирования норвежской телерадиовещательной компании NRK в общеполитической ситуации Норвегии на рубеже XX-XXI вв. Анализу подвергаются перемены в вещательной политике основной норвежской телерадиокомпании после отмены монополии на вещание и деятельность NRK в новых условиях конкуренции на норвежском рынке массмедиа.

Ключевые слова и фразы: Norsk Rikskringkasting; Стортинг; общественно-правовая система вещания; акт о местном вещании; Programbladet.

Теплякова Светлана Александровна, к. полит. н.
Институт гуманитарных наук Балтийского федерального университета
имени Иммануила Канта, г. Калининград
stapl2002@mail.ru

УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОРВЕЖСКОЙ ТЕЛЕРАДИОВЕЩАТЕЛЬНОЙ КОМПАНИИ NRK В ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

Вторая половина 1900-х гг. ознаменовалась для компании NRK множеством перемен как во внутрикорпоративной, так и в вещательной политике. Произошли определённые изменения и в отношениях с государственной властью.